с номинантой «растение» (фитоморф) фиксирует восприятие мира А. Жаксылыковым, отражает в сознании и эксплицирует в виде необыкновенных малых парадигм словесных образов. Феномен транскультурной личности в том, что транскультура освобождает автора от символических зависимостей его «врожденной» культуры, при этом место культурной идентичности занимают не просто гибридные образования, но набор потенциальных культурных признаков, универсальная символическая палитра, из которой любой индивид может свободно выбирать и смешивать краски, превращая их в собственную картину. Транскультурная творческая личность – это новая индивидуальность, для которой характерны «опережающее обыденность сознание» (У.М. Бахтикиреева), полифоничность и многоликость, это писатель, который, создавая художественное произведение, передает с помощью языка те нюансы, которые связаны с этнической составляющей ментальности, а потому заслуживает внимания лингвистов.

Список литературы

1. Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана: Изд-во «ЦБО и МИ», 2009.
2. Гачев Г.Д. Ускоренное развитие литературы: на материале болгарской литературы первой половины XIX века. М.: Наука, 1964.
3. Ермекова Ж.Т. Особенности когнитивных пространств носителей русского и казахского языков // Русский язык за рубежом. 2011. №6. С. 78–83.
4. Ермекова Ж.Т. Инвариант как парадигма образов национального сознания // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. М., 2011. № 2. С.20–24.
5. Жаксылыков А. Сны окаянных. Алматы, 2005.
6. Иванов В.В. Михайловская Н.Г., Панькин В.М. Язык великого братства. М., 1986.
7. Павлович Н. В. Язык образов. М.: Азбуковник, 2004.

* * *

1. Bahtikireeva U.M. Tvorcheskaja bilingval'naja lichnost' (osobennosti russkogo teksta avtora tjurkskogo proishozhdenija). Astana: Izd-vo «CBO i MI», 2009.
2. Gachev G.D. Uskorennoe razvitie literatury: na materiale bolgarskoj literatury pervoj poloviny XIX veka. M.: Nauka, 1964.
3. Ermekova Zh.T. Osobennosti kognitivnyh prostranstv nositelej russkogo i kazahskogo jazykov // Russkij jazyk za rubezhom. 2011. №6. S. 78–83.
4. Ermekova Zh.T. Invariant kak paradigma obrazov nacional'nogo soznanija // Mezhdunarodnyj aspirantskij vestnik. Russkij jazyk za rubezhom. M., 2011. № 2. S.20–24.
5. Zhaksylykov A. Sny okajannyh. Almaty, 2005.
6. Ivanov V.V. Mihajlovskaja N.G., Pan'kin V.M. Jazyk velikogo bratstva. M., 1986.
7. Pavlovich N. V. Jazyk obrazov. M.: Azbukovnik, 2004.

Cognitive metaphors of the flora in the linguistic mind of a transcultural personality

There are analyzed the cognitive metaphors of the flora in the creative work by a modern Kazakhstan writer A. Zhaksylykov, who represents the original transcultural formations that combine the images of the Kazakh and the Russian linguistic cultures.

Key words: *transcultural personality, verbal image, linguistic mind, phytomorph.*

(Статья поступила в редакцию 12.01.2015)

И.И. СКАЧКОВА
(Волгоград)

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ СТАНДАРТНОГО ЯЗЫКА В США

Исследуется идеология стандартного языка, на которой базируется коммуникативное поведение жителей многонационального государства и которая определяет языковую политику США на современном этапе.

Ключевые слова: *языковая политика, языковая идеология, идеология стандартного языка, языковая субординация, ассимиляция, потребность идентичности.*

Общеизвестно, что язык является гибким и постоянно меняющимся символическим маркером социальной принадлежности. Человек использует язык для самоидентификации. Кроме того, члены коммуникативного сообщества определяют социальную принадлежность партнера по коммуникации на основа-

© Скачкова И.И., 2015

нии выбранных им произносительных, грамматических и лексических вариантов. Этот процесс оценивания является одной из функций устной коммуникации. В качестве исходного положения данной работы мы будем придерживаться тезиса Т. Зибса о потенциальной независимости произношения от письма: «Все письменные знаки являются символами, которые открывают в себе больший или меньший диапазон звуковой интерпретации» (перевод наш. – *И.С.*) [15, с. 18]. В данной статье мы рассмотрим соотношение идеологии стандартного языка и языковой политики на примере США.

Исследование идеологии стандартного языка представляется важным, поскольку в США запрещена дискриминация по расовому признаку, но существует скрытая дискриминация по языковому признаку. Например, большинство людей полагает, что существуют «хорошие» и «плохие» языки. Многие американцы не находят ничего удивительного или некорректного в том, как учитель предлагает решить языковую проблему в пуэрториканской школе: «Бедные дети приходят в школу, не зная толком ни одного языка. Поэтому они даже не могут думать как следует. Поэтому они не учатся. И для того чтобы восполнить этот пробел, мы должны обучить их языку. Так как их родители также толком не знают ни одного языка, почему мы должны тратить время на испанский язык? В центре нашего внимания должен быть “хороший” английский язык» (перевод наш. – *И.С.*) [20, с. 8–9].

Ученые, занимающиеся исследованием языковой политики в США, говорят о том, что многие американцы-англофоны считают, что некоторые варианты английского языка являются «более английскими», чем другие, и что существует некий идеальный вариант английского языка, на котором должны говорить все американцы. С точки зрения таких американцев, неспособность человека говорить на стандартном языке свидетельствует о его глупости и упрямстве или ошибочной социальной лояльности. Такое поведение базируется на языковой идеологии, которая в настоящее время изучается многими учеными, в том числе и социолингвистами.

Существует множество определений идеологии. Чаще всего идеология определяется как система убеждений. Американский исследователь Р. Липпи-Грин определяет идеологию как «пропаганду потребностей и интересов доминирующей группы или класса за счет маргинальных групп, с помощью дезинформации маргинальных групп» (перевод наш. – *И.С.*) [13, с. 293]. Следует отметить идеологизированность самого определения. В.В. Наумов говорит, что идеология является основным социальным «рычагом» государства, цель которого – воздействовать на основные сферы человеческой жизни [4, с. 127]. При этом язык используется как средство объективации государственной идеологии, ведущую роль в этом процессе играет лексика, но в данной статье нас интересует дихотомия: «идеология vs. устная речь». Многие ученые рассматривают идеологию одновременно с языком, но французский философ М. Фуко, который изучал способ контроля, выбора, организации и перераспределения дискурса (в его терминологии «упорядочивания» дискурса), сказал: «...дискурс – это не просто то, что объясняет борьбу или систему господства, а то, ради чего и с помощью чего ведется борьба, дискурс есть власть, которая должна быть получена» (перевод наш. – *И.С.*) [10, с. 110]. Другими словами, с позиции языковой идеологии упорядочение дискурса касается следующих вопросов: а) кому разрешается говорить по той или иной теме; б) кто будет услышан по этой теме. Исследуя проблему стандартизации языка, лингвисты часто используют термин «идеология стандартного языка» (standard language ideology). Идеология стандартного языка – это заинтересованность в абстрактном идеализированном разговорном языке, который навязывается и поддерживается доминирующими группами [13, с. 293]. Это определение относится, главным образом, к разговорному языку, но оно также может быть использовано и применительно к письменной речи. Что касается устной речи, то все без исключения ученые отмечают, что не существует единого варианта разговорной речи, устной формы языка. «Единообразие кода, воспринимаемого как “тот же” всеми членами речевой общности, есть не что иное, как фикция» [11, с. 458]. Но, несмотря на это, идеология стандартного языка предполагает, что идеализированное национальное государство имеет один идеальный гомогенный язык [19]. Идеология стандартного языка становится средством, с помощью которого дискурс оценивается и доступ к нему ограничивается [7]. Власть, с зависимым от нее образованием, является лучшим способом организации этого процесса. В США существует система обязательного образования, и поэтому противники вышесказанного считают, что в США доступ к дискурсу является, по крайней мере, теоретически возможным: маргинализованные группы, пройдя

через систему образования, могут быть услышанными на своих родных языках [17]. Но М. Фуко указывает на ошибочность этого предположения, потому что такой культурный ресурс, как образование, не является доступным для всех слоев населения и нейтральным по отношению к власти. «Любая система образования – это политический способ сохранения или изменения дискурсов, одновременно со знаниями и властью, которые они предоставляют (перевод наш. – *И.С.*) [10, с. 123]. Современный российский исследователь С.Г. Кара-Мурза назвал школу идеологическим механизмом, «производящим человека» данного общества [3]. Р. Липпи-Грин назвала систему образования главным этапом процесса стандартизации языка [13, с. 294].

Как мы говорили выше, идеология стандартного языка предполагает, что идеализированное национальное государство имеет один идеальный гомогенный язык, который поощряется доминирующими классами. В США под стандартным языком понимается язык белых американцев, которые относятся к верхушке среднего класса или к среднему классу. Хотя к языку часто применяется требование однородности, язык мейнстрима имеет свои характерные особенности, как и все другие языковые вариации. Существует две стороны процесса стандартизации: во-первых, обесценивание всего, что не относится к политическому, культурному или социальному мейнстриму, во-вторых, признание социальных и языковых ценностей доминирующих классов. Языковая ассимиляция до абстрактного стандарта представляется естественным процессом, необходимым и позитивным для большего социального блага [2].

Далее мы рассмотрим процесс языковой субординации, исследование которого фокусируется не на коммуникативном поведении отдельного человека, а на том, как идеология стандартного языка становится неотъемлемой частью институциональных практик. В нашей работе термин «институт» означает любую организацию, имеющую социальную и структурную важность и определенный набор целей, важных для социальной жизни общества. К таким организациям относятся система образования, средства массовой информации, индустрия развлечений, бизнес-сектор, правительство, правовая система, армия и религиозные организации. В основе институционального подхода лежит упрощенная модель: язык – это коммуникация; для того, чтобы быть эффективной, коммуникация должна быть понятной; для того, чтобы быть понятным, язык должен быть неизменным (на определенном синхроническом отрезке), стандартизированным. Эта модель, на первый взгляд, кажется рациональной, но базируется на ошибочных предположениях. Как мы уже говорили, ученые доказали, что разговорный язык не является гомогенным и не может им быть. Коммуникация представляет собой гораздо более сложный процесс, чем простой обмен информацией. А самое главное, цели устной и письменной речи не являются идентичными.

В США изучается экономический ущерб от использования гражданами нескольких диалектов английского языка и некоторых иностранных языков в устной повседневной коммуникации [5]. Поэтому многие представители мейнстрима задаются вопросом, почему иммигранты не могут ассимилироваться. Эта проблема в настоящее время остается открытой для изучения, и на нее существуют две полярные точки зрения: одни полагают, что можно легко сменить один стиль произношения на другой, а другие считают, что это практически невозможно. Но, что еще более важно, требование языковой ассимиляции предъявляется не ко всем гражданам. Некоторые люди говорят на таких региональных или социальных диалектах языка, которые не подвергаются публичному преследованию, например, конферансье Г. Кейллор (Garrison Keillor), говорящий на диалекте Среднего Запада, ведущий телевизионного выпуска новостей Т. Брокo (Tom Brokaw) или сенатор Т. Кеннеди (Ted Kennedy), говорящий на бостонском английском. Другие говорят на менее привилегированных диалектах английского языка, но они обладают другими видами активов (социальная, политическая или экономическая власть), которые компенсируют эффект их менее предпочтительных вариантов английского языка. Например, бывший госсекретарь США К. Райс, президент Мексики Э. П. Ньето, президент США Б. Обама, генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Пан Ги Мун (Южная Корея), нобелевский лауреат Д. Уолкотт (Derek Walcott, Карибское островное государство Сент-Люсия), актер А. Бандерас или А. Шварценеггер.

В США, как и в любом многонациональном государстве, те варианты английского языка и миноритарные языки, которые подвергаются преследованиям или осуждению на определенном синхроническом отрезке, показывают культурный и политический климат этого времени. В настоящее время наиболь-

шей критике подвергается нью-йоркский диалект, диалект глубокого юга (юго-восточный регион США; обычно в него включают штаты Южная Каролина, Джорджия, Миссисипи, Луизиана, Алабама), а также варианты произношения, характерные для иммигрантов из Азии, Африки, стран Ближнего Востока, Центральной и Южной Америки. В сообществах афроамериканцев в Бронксе (район Нью-Йорка), как и везде в США, существует большая напряженность между афроамериканцами и новыми иммигрантами из Африки и стран Карибского бассейна. В то же время французский, шотландский и норвежский акцент в настоящее время считается престижным. Представляется, что проблема состоит не в том, на каком варианте английского языка или с каким акцентом говорит собеседник, а в том, что враждебность в процессе коммуникации часто проявляется по отношению к расе и этничности собеседника, но направлена на язык. Законы США запрещают вынуждать человека изменить религию, пол или цвет кожи. Но многие американцы требуют, чтобы некоторые люди изменили наиболее эффективный способ социального самовыражения в мире. Изучая языковую идеологию, многие ученые пришли к выводу, что человек, говорящий на языке, ценность которого сводится к нулю, соглашается с идеологией стандартного языка, он сам становится участником пропаганды, направленной против него самого, его интересов и идентичности. Многие находятся в вакууме: когда вне своего языкового сообщества человек встречает неприятие социумом своего родного языка, он может оговаривать родной язык, даже если он продолжает использовать его в повседневной жизни, тем самым нарушается потребность в идентичности [1].

Благодаря идеологии стандартного языка возникает ситуация, в которой человек, говорящий на варианте языка, не относящемся к мейнстриму, может являться целью на каждом шагу: в школе, в радио- и теленовостях, в кино, во время чтения романов, на работе. Этому человеку, говорящему на каком-либо миноритарном языке, указывают на то, что его язык является безобразным, неприемлемым, непонятным, нелогичным. Это противоречит ежедневному успешному опыту общения с самыми важными и близкими людьми, также маркирующими свой язык, и с теми, кто говорит на языке мейнстрима [17]. Критики миноритарных языков обещают структурное включение, под которым подразумеваются деньги, успех и признание, за языковую ассимиляцию. Но человек может попытаться изменить стиль речи, обратить внимание на некоторые грамматические аспекты, но практически ничего не может сделать с произношением.

Это ежедневное упорное обесценивание социального «я» имеет свои последствия. Если существует группа людей, которая подвергается постоянному унижению, может возникнуть организованное сопротивление. Например, занятия по исправлению произношения, организованные в школе в Северной Каролине, были прекращены из-за отсутствия интереса у учеников; на Гавайях возникло движение за признание креольского гавайского языка; в Висконсине группа людей заявила о своей приверженности афроамериканскому варианту английского языка и призывает признать этот вариант функциональным языком. Есть случаи, когда граждане США подают судебные иски против работодателей, которые отказывают им в приеме на работу на основании языковых особенностей. Часто учителя защищают права двуязычных учеников [17].

Но языковой мейнстрим не позволяет этим актам сопротивления остаться незамеченными. Институты, считающие себя защитниками ценностей национального государства, пытаются сохранить свою роль в государстве, используя языковую политику. Таким образом, противостояние миноритарных групп и представителей «мейнстрима» является постоянным процессом. Большую роль в этом процессе играет языковая субординация. Первым этапом языковой субординации является захват власти, при этом захватившие власть предлагают свой язык в качестве образца для подражания. Именно этот этап мы наблюдаем в настоящее время в Украине. Следующими этапами процесса языковой субординации являются мистификация и дезинформация. Мистификация заключается в том, что доминирующие классы или институты заставляют других поверить в то, что только они понимают сущность языка и обладают властью, необходимой для поддержания языка. Дезинформация о языке всегда является воинствующей и ежедневно встречается в любой газете. Сюда можно отнести такие вполне нейтральные высказывания, как «Меня тревожит, что молодые люди неправильно используют слово “like”, такие безосновательные утверждения, как «Шекспир говорил на лучшем варианте английского языка, с тех пор язык постепенно приходит в упадок», и даже такие дискриминационные утверждения, как «Если эти люди не хотят учить английский язык до тако-

го уровня, чтобы быть понятыми другими, они должны уехать туда, откуда приехали!» (перевод наш. – *И.С.*) [12, с. 67]. Мы думаем, что к дезинформации можно отнести и такие провокационные заявления, как «Если вы встретите человека, говорящего с русским акцентом, сдавайте его силовым структурам, потому что это вооруженный террорист». Именно такие заявления делали украинские средства массовой информации в конце апреля 2014 г. в связи с ситуацией на юго-востоке Украины. Приведенные цитаты показывают, что дезинформация, как правило, направлена на процесс коммуникации и ущемляет права других людей по языковому признаку, например: «Я ничего не имею против тайцев (черных, аппалачей), но я просто их не понимаю. Возможно, они ничего не могут сделать со своим произношением, но я их совершенно не понимаю» (перевод наш. – *И.С.*) [Там же, с. 70].

Коммуникация кажется очень простым процессом: один человек говорит, а другой слушает, потом они меняются ролями. Однако социальное пространство между двумя говорящими в большинстве случаев не является нейтральным. Каждый раз, когда начинается процесс общения, возникает целая серия сложных расчетов: «Нужно ли мне вести себя с этим человеком официально?», «Должен ли я показать свое уважение?», «Должен ли он выказывать мне свое почтение?», «Что я хочу от него или что он хочет от меня?». Иногда собеседник может отказаться от коммуникации. В ситуации противостояния мы можем прекрасно понимать, что наш собеседник говорит нам, но мы отвечаем: «Я тебя просто не понимаю». Таким образом, в коммуникативном акте адресат освобождается от любой ответственности, а вся ответственность за успех коммуникации ложится на адресанта. Фраза «Я тебя не понимаю» может означать «Заставьте меня понять вас». Это касается общения между знакомыми людьми. Когда участники коммуникации вынуждены общаться с новым человеком, они выполняют серию быстрых социальных оценок, основанных на внешних знаках. Один из них – язык и особенности произношения. Это социолингвистические знаки, связанные с происхождением, этничностью и другими социальными факторами. В процессе коммуникации большое значение имеет коммуникативная позиция адресата, в основе которой – личный опыт, происхождение и социальное «я». Совокупность этих факторов составляет определенный набор фильтров, через которые мы пропускаем речь нашего собеседника. Если мы хотим продолжить коммуникацию с определенным человеком, мы готовы взять на себя часть ответственности за успех коммуникативного акта, даже если существуют реальные помехи, например плохая связь или шумная комната. Если собеседник нам не интересен, мы пытаемся снять с себя ответственность за успех коммуникации и переложить всю ответственность на партнера по коммуникативному акту. Именно так поступают члены доминирующей языковой группы по отношению к представителям большинства миноритарных групп.

Законодательные органы США не остаются в стороне от решения языковых вопросов. Акт о гражданских правах 1964 г. (особенно пункт VII) предоставляет право рабочим, подвергающимся дискриминации на основании расы, цвета кожи, религии, половой принадлежности или национальности, обращаться за помощью в суд. Сфера применения этого закона была расширена в 1980 г. для защиты рабочих, которые подвергаются дискриминации по какому-либо признаку (например, по языковому признаку, который связан с национальностью). Комиссия по соблюдению равноправия при трудоустройстве отвечает за исполнение пункта VII. В своих руководящих документах (Guidelines on Discrimination because of National Origin) Комиссия определяет дискриминацию из-за национального происхождения «в широком смысле, включая, но, не ограничиваясь, отказом в равных возможностях при трудоустройстве из-за происхождения соискателя или его предков, или потому, что соискатель имеет физические, культурные или языковые особенности, характерные для его национальной группы» (перевод наш. – *И.С.*) [9]. Смысл закона заключается в том, что работодатель не может отказать претенденту на рабочее место, уволить сотрудника или отказать ему в повышении на основании того, что в нем каким-либо образом проявляется принадлежность к другой культуре. Что касается расовой дискриминации, суды постановили, что никакие личностные предпочтения (как работодателя, так и клиента) не могут служить оправданием дискриминации. Аналогичным образом квалифицированному работнику не может быть отказано в приеме на работу на основании языковых характеристик, т. к. они связаны с категориями, защищенными Актом о гражданских правах, и включают национальное происхождение. Однако работодатели имеют некоторую самостоятельность в вопросах, касающихся языка. «Неблагоприятное решение

о приеме на работу на основании языковых особенностей претендента может быть принято только тогда, когда это существенно мешает выполнению работы» (перевод наш. – *И.С.*) [8]. Более того, 24 июня 2010 г. в штате Теннесси впервые в истории США был принят закон о защите предприятий, осуществляющих политику «Только английский», если того «требуют интересы бизнеса» (перевод наш. – *И.С.*) [16]. Исследователи языковой политики в США описывают много случаев, когда из-за особенностей произношения соискателям на рабочее место отказывали в трудоустройстве или повышении. Приведем здесь только один пример. Так, человек, в обязанности которого входил подбор продавцов, сказал, что никогда бы не нанял на работу человека с сильным иностранным акцентом, особенно с мексиканским: «Я должен думать о наших клиентах. Я бы никогда ничего не купил у человека с мексиканским акцентом» (перевод наш – И.С.) [14, с. 59]. Русская знакомая автора, эмигрировавшая в США в середине 1990-х годов, отказалась слушать сообщение о смерти своей матери, мотивируя тем, что она расстроится и на следующий день может сделать ошибки в английском языке, в результате может потерять работу. Эти примеры доказывают, что идеология стандартного языка поддерживается государством и тесно связана с имплицитной языковой политикой [6].

Мы рассмотрели идеологию стандартного языка, которая тесно связана с имплицитной, или скрытой, языковой политикой. Мы постарались показать, что идеология стандартного языка внедряется в школе, активно поддерживается средствами массовой информации и институционализируется в корпоративном секторе. Эта идеология разными завуалированными и явными способами гарантирована судебной системой [18]. Поэтому неудивительно, что многие люди не признают того факта, что для разговорного языка вариативность является системной, обязательной, понятие национального языкового стандарта является абстракцией. Однако многие люди придерживаются идеологии стандартного языка.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двуязычная» практики и проблема языковой ассимиляции // Comparative politics. 2013. № 2 (12). С. 8–28.

2. Гуляева Е.В. Роль английского языка как посредника в глобальном пространстве образования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1–2 (31). С. 72–75.

3. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Т. II. Гл. 5. Советская и западная школа: что ломают в России в начале XXI века? URL: http://www.kara-murza.ru/books/sc_b/sc_b24.htm#hdr_31 (дата обращения: 05.06.2014).

4. Наумов В.В. Государство и язык: формулы власти и безвластия. М.: КомКнига, 2010.

5. Скачкова И.И. Экономические аспекты языковой политики в США // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Сер. : Экономика. 2013. № 1 / 9. С. 102–105.

6. Скачкова И.И. Классификация языковых политик в американской социолингвистике // Политическая лингвистика. 2011. № 2(36). С. 166–171.

7. Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. [Пер. с англ.] М.: Кн. дом «ЛИБРИКОМ», 2013.

8. Civil Rights Act of 1964, § 701 et seq., 42 U.S.C.A. § 2000e et seq.

9. Federal Register 1988: ¶1606/1.

10. Foucault M. The Order of Discourse // Language and Politics. ed. Michel Shapiro. N.Y.: New York University Press. 1984. P. 108–138.

11. Jakobson R.O. S. Trubetzkojs Letters and Notes. Berlin; N. Y., 1985.

12. Lippi-Green R. English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States. L. : Routledge, 1997.

13. Lippi-Green R. Language Ideology and Language Prejudice // Language in the USA: Themes for the Twenty-first Century. N.Y. : Cambridge University Press, 2008. P. 289–304.

14. Macias R. F. Language Politics and the Historiography of Spanish in the United States // Language in Action: New Studies of Language in Society. Essays in Honor of Roger W. Shuy, eds. Peyton J.K., Griffin P., Wolfram W. Cresskill NJ: Hampton Press, 2000. P. 52–83.

15. Siebs Th. Deutsche Bühnenaussprache. Leipzig, 1898.

16. Tennessee becomes first state to protect businesses with English workplace policies. URL: http://www.us-english.org/view/780 (дата обращения: 30.07.2011).

17. Wiley T.G. Language planning, language policy, and the English-Only Movement // Language in the USA: Themes for the Twenty-first Century. N.Y. : Cambridge University Press, 2008. P. 319–338.

18. Wiley T.G., Lukes M. English-Only and Standard English Ideologies in the United States // TESOL Quarterly. 1996. V. 3. P. 511–530.

19. Woolard K. A., Schieffelin B. B. Language Ideology // Annual Reviews of Anthropology. 1994. V. 23. P. 55–82.

20. Zentella A. C. «The Chiquitafication of US Latinos and their Languages, OR Why We Need an Anthropolitical Linguistics» // SALSA III. Proceedings of the Third Annual Symposium about Language and Society. 1996. Austin: University of Texas: Texas Linguistic Forum 36. P. 1–18.

* * *

1. Alpatov V.M. Jazykovaja politika v sovremennom mire: «odnojazychnaja» i «dvujazychnaja» praktiki i problema jazykovoj assimiljacii // Comparative politics. 2013. № 2 (12). C. 8–28.

2. Guljaeva E.V. Rol' anglijskogo jazyka kak posrednika v global'nom prostranstve obrazovanija // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 1–2 (31). S. 72–75.

3. Kara-Murza S.G. Sovetskaja civilizacija (tom II). Glava 5. Sovetskaja i zapadnaja shkola: chto lomajut v Rossii v nachale XXI veka? URL: http://www.kara-murza.ru/books/sc_b/sc_b24.htm#hdr_31 (data obrashhenija: 05.06.2014).

4. Naumov V.V. Gosudarstvo i jazyk: formuly vlasti i bezvlastija. M.: KomKniga, 2010.

5. Skachkova I.I. Jekonomicheskie aspekty jazykovoj politiki v SShA // Nauchnyj vestnik Volgogradskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. Ser. : Jekonomika. 2013. № 1 / 9. S. 102–105.

6. Skachkova I.I. Klassifikacija jazykovyh politik v amerikanskoj sociolingvistike // Politicheskaja lingvistika. 2011. № 2(36). S. 166–171.

7. Tjon A. vann Dejk. Diskurs i vlast': reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii. [Per. s angl.] M.: Kn. dom «LIBRIKOM», 2013.

8. Civil Rights Act of 1964, § 701 et seq., 42 U.S.C.A. § 2000e et seq.

9. Federal Register 1988: ¶1606/1.

10. Foucault M. The Order of Discourse // Language and Politics. ed. Michel Shapiro. N.Y.: New York University Press. 1984. R. 108–138.

11. Jakobson R.O. S. Trubetzkojs Letters and Notes. Berlin; N. Y., 1985.

12. Lippi-Green R. English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States. L. : Routledge, 1997.

13. Lippi-Green R. Language Ideology and Language Prejudice // Language in the USA: Themes for the Twenty-first Century. N.Y. : Cambridge University Press, 2008. R. 289–304.

14. Macias R. F. Language Politics and the Historiography of Spanish in the United States // Language in Action: New Studies of Language in Society. Essays in Honor of Roger W. Shuy, eds. Peyton J.K., Griffin P., Wolfram W. Cresskill NJ: Hampton Press, 2000. R. 52–83.

15. Siebs Th. Deutsche Bühnenaussprache. Leipzig, 1898.

16. Tennessee becomes first state to protect businesses with English workplace policies. URL: http://www.us-english.org/view/780 (data obrashhenija: 30.07.2011).

17. Wiley T.G. Language planning, language policy, and the English-Only Movement // Language in the USA: Themes for the Twenty-first Century. N.Y. : Cambridge University Press, 2008. R. 319–338.

18. Wiley T.G., Lukes M. English-Only and Standard English Ideologies in the United States // TESOL Quarterly. 1996. V. 3. P. 511–530.

19. Woolard K. A., Schieffelin B. B. Language Ideology // Annual Reviews of Anthropology. 1994. V. 23. P. 55–82.

20. Zentella A. C. «The Chiquitafication of US Latinos and their Languages, OR Why We Need an Anthropolitical Linguistics» // SALSA III. Proceedings of the Third Annual Symposium about Language and Society. 1996. Austin: University of Texas: Texas Linguistic Forum 36. R. 1–18.

Language policy and ideology of the standard language in the USA

There is researched the ideology of the standard language which is the basis for the communicative behavior of people in a multinational country, and which determines the language policy in the USA at the modern stage.

Key words: *language policy, language ideology, ideology of the standard language, language subordination, assimilation, identity need.*

(Статья поступила в редакцию 12.01.2015)

О.В. ЛУТОВИНОВА
(Волгоград)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Рассматривается языковая игра как один из аспектов лингвокреативной деятельности языковой личности в коммуникативном пространстве Интернета, описываются ее особенности на различных уровнях языка: фонетическом, лексическом, лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом.

Ключевые слова: *Интернет, интернет-коммуникация, языковая игра, языковая личность, коммуникативное пространство, лингвокреативная деятельность, речетворчество.*

Двадцатый век, метафорично характеризующийся как торжество науки и интеллекта, привел к многочисленным преобразованиям в различных областях человеческой деятельно-

© Лутовинова О.В., 2015